

Со времён Великого Предка в Великой Ци существовала странная традиция: и жалование чиновникам, и награды выдавались исключительно зерном. Возможно, это было связано с тем, что сам император-основатель происходил из крестьян.

На этот раз Сяо Цзин пожаловал гвардии в парчовых халатах, отличившейся в деле, двести даней риса. Не стоит недооценивать эту награду: ежемесячное жалование командующего гвардией Лю Чуна составляло всего тридцать пять даней, а у мелкого чиновника девятого ранга и вовсе жалкие пять даней!

Кроме того, император Сяо Цзин пожаловал халат с драконом-маном Дуань Минчэню, заместителю командующего гвардией, внесшему наибольший вклад в раскрытие дела.

Получить от императора халат в подарок — величайшая честь. Среди всех существ ман считался ближайшим к дракону, и носить одеяние с его изображением без высочайшего дозволения было строжайше запрещено. То, что Дуань Минчэнь удостоился такой милости, стало предметом гордости для всей гвардии.

Стоит отметить, что в последние годы гвардия в парчовых халатах находилась в тени Восточной Ограды и уже давно не получала императорских наград. Двести даней риса, хоть и не были баснословным богатством, всё же позволили гвардейцам вновь почувствовать себя с гордо поднятой головой.

Группа молодых гвардейцев окружила Дуань Минчэня, наперебой восхищаясь пожалованным ему императорским халатом.

Халат был шит из превосходного шуского парчового шёлка. Роскошная алая ткань переливалась на солнце ослепительным блеском. На груди золотой нитью была вышита свирепая огромная ман: круглые глаза гневно сверкали, острые когти казались живыми, а извивающееся тело тонуло в облаках. Вышивка была настолько искусной, что казалось, будто чудище вот-вот сорвётся с ткани.

— Ого, это же легендарный шуский шёлк! Какой блеск, какая гладкость!

— Взгляните-ка на этого облачного мана! Глаза будто живые! Искуснейшая работа!

Ло Цинь остановил товарищей:

— Эй, вы там, не трогайте руками, запачкаете! Брат Дуань, а может, примеришь?

Все подхватили с весёлыми возгласами:

— Да, да, господин Дуань, надень, покажи нам!

Ло Цинь, уже полностью оправившийся от ранения и вновь обретший свою прыть, добавил:

— Брат, в этом халате ты будешь выглядеть невероятно величественно и ослепительно! Выйдешь на улицу — и все девушки головы потеряют!

Дуань Минчэня замучили этими шутками. Он лишь улыбнулся:

— Полно вам дурачиться. Это императорский дар, я должен его бережно хранить, а не напяливать просто так.

Вернувшийся после проводов Лю Чун, услышав это, сказал:

— Кто сказал, что нельзя? Раз император пожаловал, значит, нужно носить — это и есть высшее проявление уважения и благодарности государю. Какая польза от того, что он будет пылиться на полке? Разве ты не видел, как Вань Чжэнь, тот старый хрыч, так и щеголяет в своём маньпао?

— О? А я помню, что у вас, господин Лю, тоже есть пожалованный императором маньпао, да ещё высшего образца — с сидящим маном. Почему же вы его не носите? — с улыбкой парировал Дуань Минчэнь.

— Кхм-кхм... Я человек скромный, не люблю выставляться напоказ! — Лю Чун погладил густую бороду, слегка смутившись.

Гвардейцы потупились, скрывая улыбки. Кто ж не знал, что у господина Лю от природы смуглая кожа, и в алом маньпао он выглядел бы ещё темнее. Вот он и не носил, а вовсе не из-за скромности.

— В любом случае, ты получил награду, и это честь для всей нашей гвардии. Завтра ты наденешь этот халат и войдёшь во дворец от лица гвардии в парчовых халатах, чтобы вознести государю благодарность, — распорядился Лю Чун.

Дуань Минчэнь кивнул:

— Слушаюсь. А вы, господин, пойдёте со мной завтра?

— Нет, у меня есть другие дела. Ты справишься и один. Ты уже способен нести ответственность самостоятельно. Будущее, в конце концов, принадлежит вам, молодым. — Лю Чун похлопал Дуань Минчэня по плечу, и в его голосе прозвучали и одобрение, и лёгкая грусть.

Дуань Минчэнь взглянул на Лю Чуна и увидел в его глазах смесь сожаления и искренней радости.

Честно говоря, этот начальник был человеком грубоватым. Среди всех командующих гвардией в парчовых халатах Лю Чун не был самым выдающимся. Но к Дуань Минчэню он относился по-отечески. Вот и сейчас, когда император пожаловал халат, другой начальник, более завистливый и мелочный, мог бы начать ревновать, строить козни и оттеснять. Но Лю Чун оказался великодушен: он не только не завидовал, но и искренне радовался за подчинённого. Встретить такого мудрого и щедрого душой начальника — большая удача.

Поэтому Дуань Минчэнь почтительно сложил руки в приветствии и ответил:

— Принято к исполнению.

Лю Чун самодовольно покачал головой:

— Наконец-то государь увидел, что мы, гвардия в парчовых халатах, — самые преданные и боеспособные войска! Что там Восточная Ограда, тьфу! Старый евнух Вань Чжэнь наконец-то оказался у нас в тени, посмотрим, как он теперь будет задирать нос!

Дуань Минчэнь подумал, но не стал разрушать прекрасные иллюзии начальника.

Хотя в этом деле основные силы выделила гвардия, один только Гу Хуайцин из Восточной Ограды стоил целой армии. Именно он первым обнаружил и раскрыл заговор корёсцев. Если говорить о наградах по заслугам, то больше всех должен был получить именно он. Тем более

что император Сяо Цзин и без того его выделял. Не исключено, что Гу Хуайцина ждало повышение.

Как и предполагал Дуань Минчэнь, в то время как гвардейцы получали свою награду, другой евнух прибыл в Восточную Ограду с императорским указом.

— Следователь-тысячник Восточной Ограды Гу Хуайцин, явивший ум и отвагу, сочетающий в себе добродетель и талант, воистину является опорой трона и твердыней государства. Государь высоко ценит его и особо назначает его главным евнухом Восточной Ограды, жалуя в знак поощрения одеяние с цилиндром. Да будет так!

Гу Хуайцин возгласил «Да здравствует император!», принял указ и поблагодарил за милость, после чего поднялся и спокойно принял из рук евнуха императорский указ и пожалованное одеяние.

Вань Чжэнь в тот день отправился во дворец прислуживать вдовствующей императрице и отсутствовал. Остальные служащие Восточной Ограды, стоя на коленях позади Гу Хуайцина, вместе с ним возгласили «Да здравствует император!».

Гу Хуайцин, не достигший ещё и двадцати лет, занял пост главного евнуха четвёртого ранга, став вторым человеком в Восточной Ограде после Вань Чжэня. Чтобы никто не завидовал — такого быть не могло. Однако все понимали: завидовать бесполезно. Кто ж не знал, что он друг детства императора, приёмный сын начальника Ваня и к тому же раскрыл несколько невероятных дел? Любой зрячий видел, что Вань Чжэнь уже в годах, и рано или поздно пост начальника Восточной Ограды достанется Гу Хуайцину.

— Поздравляю господина Гу! — Евнух, доставивший указ, расплылся в сияющей улыбке.

— Благодарю за труды, — с лёгкой улыбкой ответил Гу Хуайцин и бросил взгляд через плечо. Его юный помощник Юй Ханьфэй тут же сообразил и сунул в руку евнуху мешочек с золотыми бобами.

Доставка императорских указов считалась среди евнухов выгодным делом — принимающие указ сановники обычно не скупились на чаевые, да и суммы должны были быть приличными: дворцовые евнухи видали всякое, слишком уж маленькое подаяние и стыдно было вручать.

Однако этот евнух стал настойчиво отказываться, не желая принимать подношение от Гу Хуайцина. Нынче любой, кто служил во дворце, знал, что господин Гу — любимец императора, его все стремились задобрить и выслужиться перед ним, так кто же посмел бы брать с него деньги?

Гу Хуайцин, видя, что евнух отказывается от награды и лишь с надеждой смотрит на него, всё понял.

— Тебя зовут Ван Шэн? Служишь в Чертоге Сюаньдэ?

— Господин Гу, вы... вы запомнили этого никчёмного раба! — на лице евнуха Ван Шэна отразились крайнее удивление и радость.

Обычно Гу Хуайцин держался надменно и неприступно, и посторонние не смели к нему приближаться. Даже когда он изредка вёл дела с императором в Чертоге Сюаньдэ, он редко достаивал взглядом окружающих прислужников. Поэтому Ван Шэн всегда был уверен, что Гу Хуайцин его и не замечает.

Ван Шэн оказался сообразительным. Заметив, что сегодня у Гу Хуайцина настроение неплохое, он тут же произнёс несколько подобострастных поздравлений и пожеланий, а в конце не преминул напомнить:

— Сегодня утром государь принимал послов с Запада, так что после полудня он, должно быть, будет в Чертоге Сюаньдэ. Если господин желает отправиться во дворец с благодарностью, лучше сделать это после обеда.

Попасть на аудиенцию к Сяо Цзину для Гу Хуайцина не составляло труда, но он оценил доброе напоминание Ван Шэна.

— Благодарю за совет.

Ван Шэн, потирая руки, заискивающе улыбнулся:

— Что вы, что вы! В будущем я лишь надеюсь, что господин Гу не оставит меня своей милостью!

Гу Хуайцин окинул его оценивающим взглядом. Острый, пронизывающий взгляд упал на Ван Шэна, и у того от волнения мгновенно вспотели ладони. Он даже пожалел о своей наглости — как это он, обрадовавшись, позабыл о мере и высказал такую просьбу? Гу Хуайцин был тем, кто мог раздавить его, как букашку.

Ноги Ван Шэна уже начали подрагивать, когда Гу Хуайцин наконец отвел взгляд и едва слышно хмыкнул: «Угу».

Ван Шэн чуть не заплакал от счастья. Получив молчаливое согласие Гу Хуайцина, он мог надеяться на будущее. Он тут же принялся изливать свои верноподданнические чувства, тысячу раз благодаря и готовый хоть сейчас положить к ногам господина свою жизнь. Гу Хуайцин же лишь равнодушно махнул рукой, отпуская его.

После ухода Ван Шэна служащие Восточной Ограды один за другим подходили поздравить Гу Хуайцина. Тот сохранял невозмутимость, ничем не выдавая ни гордости, ни радости, и отвечал на поздравления сдержанно. Все знали его характер и не смели докучать, поэтому вскоре разошлись по своим делам.

Гу Хуайцин вернулся в свои покои. Юй Ханьфэй достал изящный чайный сервиз из исинской глины и принялся заваривать чай.

Вода была из источника Линлун. Вода из Линлуна считалась превосходной — чистой, прозрачной и сладкой. Её специально доставляли за сотню ли, и предназначалась она только для высочайших особ.

<http://bllate.org/book/16283/1466980>